

Содержание

1. 2005–2006

11

2. 1942–1960

85

3. 1945

229

4. 2006

339

1

2005–2006

Утром того дня, когда Боб Комет в первый раз пришел в Гериатрический центр имени Гэмбелла — Рида в Портленде, штат Орегон, он проснулся в своем домике цвета мяты, огорченный тем, что сон его оборвался. Снова снился приморский, давно уж не существующий отель “Эльба”, где он побывал одиннадцати лет, в середине сороковых. Боб, который вообще памятью не отличался, не уставал поражаться, что после стольких лет ему удалось сохранить такое яркое ощущение места. Но еще удивительней были те эмоции, которыми зрительные эффекты сопровождались; этот сон раз за разом насыщал его мозг химией, предвещавшей наступление глубокой романтической любви, хотя тогда, в отеле, ничего подобного он не испытывал. И сейчас он лежал в постели, смакуя ускользающее от него чувство.

Боб сел, склонил голову набок и уставился в никуда. Библиотекарь на пенсии семидесяти одного года, он был доволен жизнью, на здоровье не жаловался и проводил свои дни за чтением, готовкой, приемом пищи, уборкой и прогулками.

Прогулки часто растягивались на мили, он отправлялся в путь наобум, не имея в виду никакой цели, выбирал свой маршрут, отзываясь на потенциально многообещающий звук или зрительное впечатление от потенциально многообещающей улицы. Однажды стал свидетелем пожара, в центре города горела квартира; пожарные, протянув лестницу до верхнего этажа, спасли из окна ребенка, толпа, собравшаяся внизу на тротуаре, приветствовала это криками, Боб был под большим впечатлением. В другой раз, в юго-восточном секторе, он наблюдал, как какой-то сумасшедший решительно и методично крушил цветочные клумбы перед ветеринарной клиникой, в то время как собаки глядели на это из окон, вытягивая шеи и обиженно тявкая. Вообще говоря, случалось не так уж много такого, чем стоило бы потом поделиться или на что поглазеть, но было приятно находиться в движении и среди людей, ведь он редко с кем-то контактил. Друзей у него не водилось, телефон молчал, и семьи не было, а если в дверь стучали, то, значит, доставка на дом; но отсутствие общения не тяготило его, он не испытывал тяги к компании. Боб давно отказался от идеи узнать кого-то поближе или чтобы с ним самим познакомились. С миром он взаимодействовал, отчасти прогуливаясь по нему, но главным образом о нем читая. С детства и по сейчас Боб увлеченно читал романы.

В тот день Боб позавтракал и вышел из дому, когда не было еще и девяти. Одевался он обычно, руководствуясь прогнозом телесиноптика, но в тот раз синоптик промазал, и Боб вышел не подготовленным к тому, что на улице зябко и сыро. В принципе прогуляться в плохую погоду он был не прочь, но тогда нужно должным образом экипироваться; особенно

раздражало, что, вот как сейчас, мерзли руки, поэтому он зашел в магазинчик “Севен-Илебен”, открытый с семи до одиннадцати, налил себе кофейку в бумажный стаканчик и задержался у газетной стойки, отогреться и разжиться новостями по заголовкам.

Парень на кассе — лет двадцати, на вид дружелюбный — озабоченно поглядывал туда, где в глубине магазина стояла лицом к батарее стеклянных дверей, за которыми хранилось всякое охлажденное питье, какая-то женщина. В розовом спортивном костюме, блестящих белых кроссовках, бейсболке с сетчатым задником и в солнцезащитных очках, она стояла неподвижно, как статуя. Наряд под стать дошкольнице или подростку, но из-под бейсболки выбивалась копна седых кудрей, так что женщине было, надо полагать, лет шестьдесят-семьдесят. Кассира она определенно тревожила, и Боб шепотом осведомился:

— Все в порядке?

— Да фиг ее знает, — шепотом же ответил кассир. — Она вроде и ничего, и одежда у нее чистая, но она вперилась в энергетики и стоит так вот уже три четверти часа. Боюсь, как бы чего не выкинула.

— А заговорить с ней вы не пробовали?

— Да, спросил, могу ли я ей помочь. Ноль реакции.

— Хотите, попробую я?

— А если она психанет да выкинет что-нибудь идиотское?

— Что, например?

— Такое, что нормальному человеку и в голову не взбредет. А копы приедут, только если оружие пойдет в ход. А знаете, сколько есть способов выкинуть что-нибудь идиотское без оружия? Да миллион.

Разговаривая, они не спускали с женщины глаз.

— Пойду попробую, — сказал Боб.

— Давайте, но если начнет дурить, постарайтесь вывести ее вон, а? — Кассир развел руки, как когда отлавливают кого-нибудь или загоняют. — За то, что будет там на парковке, я уже не в ответе.

Боб направился к фигурке в розовом, благодушно себе что-то под нос мыча, как для того, чтобы известить о своем приближении, так и для того, чтобы обозначить дружественные намерения.

— О, привет, — сказал он так, будто только ее заметил. Насколько можно было судить, она никак на это не отозвалась, лица не разглядеть за бейсболкой, кудрями и солнечными очками. — Все в порядке, мэм, а? Я могу вам чем-то помочь?

По-прежнему никакой реакции, и Боб посмотрел на кассира, который коснулся предплечья жестом, выражающим убеждение, что Бобу следует женщину легонько встряхнуть. Трясти ее Боб не стал, но положил руку ей на плечо; и в тот момент, когда он коснулся ее, она активизировалась, как оживший робот, отвернулась от Боба и неторопливо направилась между стойками прямо к выходу из магазина. Боб воззрился ей вослед.

— И что мне теперь делать? — спросил он кассира.

— Понятия не имею, — отозвался тот, очень довольный тем, что она ушла, и еще тем, что случилось хоть что-нибудь интересное.

— Пойду-ка я за ней, — решил Боб и тоже вышел из магазина.

Держа дистанцию шагов в десять, он следовал за женщиной, прихлебывал кофе, и отмечал ее скудные успехи. Целых пять минут ушло у нее на то, чтобы пройти один квартал, а потом она снова окостенела, на этот раз на автобусной остановке, рядом со стеклянным навесом, уставилась на пустую скамейку. Пошел

дождь, ее спортивный костюм стал намокать. Когда она задрожала, Боб подошел и накинул ей на плечи свое пальто. Но вскоре и он продрог, промокнув насквозь; когда полицейская машина остановилась на красный свет, Боб помахал полицейскому, чтобы привлечь его внимание. Полицейский помахал в ответ и уехал.

Боб перебрался под навес, где встал так, чтобы видеть женщину. Кофе совсем остыл, и Боб сообразил наконец, что так и не заплатил за него. Не задалась прогулка, подумал он, разумней будет смириться с потерями, махнуть рукой на пальто и отправиться домой на такси, но тут ему бросилась в глаза запаянная в пластик карточка, которая на шнурке свисала у женщины с шеи. Он обошел укрытие и, чуть отклонив от себя ее тело, принялся разглядывать карточку. На ней была фотография женщины в солнцезащитных очках и бейсболке, а под фотографией текст: “Меня зовут Чирп, я живу в Гериатрическом центре Гэмбелла — Рида”. Под текстом адрес, а под адресом — изображение внушительного дома в стиле “искусства и ремесла”, предшествующего модерну, со средневековыми элементами: башней с флюгером и террасой по всему периметру. Боб, выдавший этот дом во время своих прогулок, сказал:

— Знакомое место. Значит, здесь вы живете? Вас зовут Чирп?

Твердость духа вернулась к нему, и он решил, что доставит Чирп по указанному адресу.

Боб бережно взял ее под руку и повел по направлению к Центру. Каждые десять-пятнадцать шагов она останавливалась со стоном, но вообще-то почти не сопротивлялась, и худо-бедно они все-таки продвигались, невзирая на непогоду. Ее тянуло зайти в каждый магазин, мимо которого они проходили, и Бобу приходи-

лось ее выправлять; всякий раз при этом она каменела и принималась стонать.

— Прошу прощения, Чирп, — говорил он. — Я и рад бы, чтобы мы зашли и там побродили, но ведь о вас будут беспокоиться, а мы разве хотим, чтобы они беспокоились, нет ведь? Так что пойдемте уж дальше, нам совсем немного осталось.

Вскоре показался Гериатрический центр. Раз сто, не меньше, Боб проходил мимо, порой спрашивая себя, что бы там могло находиться. Здание высилось на холме, подавляя соседние постройки, ни дать ни взять классический дом с привидениями. Вывески, поясняющей его назначение, не имелось, но у обочины стояли больничные автобусы-челноки и машины скорой помощи, и дорожка для инвалидов колясок зигзагом вела вверх от тротуара ко входу. Боб повел Чирп по этой дорожке и, пока они поднимались, разглядывал Центр. Он нашел, что здание здорово напоминает собой отель “Эльба”; и хотя мистике Боб был чужд, ввиду сна, который ему тем утром приснился, как было не удивиться сходству между двумя зданиями.

Входная дверь представляла собой внушительный заслон из окрашенного зеленой краской металла и пуленепробиваемого стекла, и она была заперта. Боб нажал на кнопку дверного звонка, дверь зажуужала в ответ, со щелчком отперлась и принялась медленно открываться. Чирп вошла своим ходом и исчезла за углом, в то время как Боб так и стоял, ожидая, что кто-нибудь выйдет встретить его на пороге; но никто не вышел, и после долгой, тягостной паузы дверь с механическим равнодушием начала закрываться. Боб собрался было развернуться да и уйти, когда за спиной у него взревело: “Попридержи дверь!” И столько убежденности крылось в реве, что Боб, не задумываясь, заблокиро-

вал ход двери своей правой ступней, и ту в результате прищемило так крепко, что он еле сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли. Дверь, найдя на препятствие, отсканула и пошла распахиваться по новой.

Тем временем тот, кто издал рев, непомерно крупный, то есть высокий и широкоплечий мужчина в непомерно большом электронном инвалидном кресле, надвигался на Боба с огромной скоростью и выражением стальной уверенности в налитых кровью глазах. Просвистывая мимо Боба в Центр, в знак благодарности он со взмахом руки прищипнул пальцами край своего непомерно большого берета. И в тот самый миг, как он въехал, послышался зов невидимых голосов, ехидные, насмешливые приветствия, довольные, что продолжится нечто, происходившее ранее, будто за ночь собраны новые аргументы, которые изменят ход спора. “Пу-пу-пу”, — произнес мужчина, помахивая рукой в перчатке, чтобы погасить шум, и направил свое кресло куда-то вглубь Центра.

Женщина сорока с чем-то лет в бежевом кардигане поверх бледно-зеленого медицинского халата вышла навстречу Бобу. Спросила, чем она может ему помочь, и Боб объяснил, что доставил сюда Чирп. Женщина кивнула, что поняла, но заметного впечатления ни то, что Чирп сбежала, ни то, что она благополучно возвращена, на нее не произвело. Она представилась Марией, а Боб сказал, что его зовут Боб. Когда дверь снова поползла закрываться, Мария отступила, подняв руку в обезличенном жесте прощания; но тут Боб удивил и себя, и Марию, хромоногое вскочив внутрь, а после стоял, отдуваясь легонько, пока Мария раздумывала, вызывать ей охрану или нет.

Мария Бобу моментально понравилась. Казалось, что на мировую чепуховину она взирает, как кошка, скептически и неопределенно, и тут же, как кошка, с настроем: удиви же меня. Боб сказал бы, что она вымотана физически и эмоционально; ее волосы, заметил он, еще мокры после душа. Она спросила, что у Боба с ногой, он ответил: “Ваша входная дверь раздавила”, и она кивнула: “Понятно”. Она спросила, в силах ли он выдержать экскурсию по Центру, он ответил, что да, в силах, и она провела его по просторному помещению, обозначив его как Большую комнату. Посреди комнаты стоял длинный стол, вокруг которого разместились дюжина или чуть больше пожилых женщин и мужчин. Некоторые оживленно болтали, другие сидели, склонив головы, за легкой работой над простенькими поделками, третьи дремали, уронив на грудь подбородки. Мужчины в инвалидном кресле видно нигде не было, зато Чирп сидела во главе стола, отдельно от остальных, дыша ртом, и все еще в пальто Боба, свисавшем у нее с плеч. Боб указал на это Марии, которая подошла к Чирп сзади, чтобы забрать одежду. На это ушло

немало усилий, но все-таки Мария сумела вытащить пальто из-под Чирп и пересекла комнату, чтобы вернуть его Бобу. Он поблагодарил, но не стал надевать пальто сразу, пусть сначала развеется тепло тела Чирп.

Они с Марией возобновили свою прогулку.

— Итак, это Чирп. Она вольная птица. Убегает часто, как может. К счастью, недалеко и не быстро. В половине случаев мы и не догадываемся, что ее нет, а потом вдруг кто-то стоит у двери, вот вроде вас, и ее возвращает.

Боб спросил, как в Центре помещается столько народу, сколько он сейчас видел; Мария ответила, что постоянных обитателей здесь всего пятеро, а остальных больничный автобус утром привозит из дому, а вечером, после ужина, увозит. Большинство из них живут со своими взрослыми детьми или родственниками. У них нет страховки или сбережений, объяснила Мария, обслуживание по полной программе им не по карману.

— А Чирп — она живет постоянно?

— На данный момент — да. Правду сказать, ей нужно от нас больше, чем мы можем ей дать. Повезло, конечно, что этот дом нам предоставлен, но, когда речь о сложных случаях, он не очень-то приспособлен для наших нужд. Нам недостает персонала, финансирования и всего остального. Чирп требуются специализированный уход и безопасная среда. Идеальный пациент для нас, с нашей точки зрения и ввиду того, что мы в состоянии предложить, это кто-то вроде Брайти, вот она тут. Как дела, Брайти?

В следующий момент Боб уже пожимал руку, или, верней, ему пожимала руку женщина, эта самая Брайти. Пристально глядя на Боба, обратилась она все-таки к Марии.

— Кто это? Новое лицо? Свежая кровь? Что у него за история?

— Это Боб, Брайти, — сказала Мария. — Он так добр, что вернул нам Чирп, и я решила провести его по нашему дому.

— Ладно, это разумно, но где он живет?

— Я не знаю. Где вы живете, Боб?

— У меня домик на северо-востоке.

— Звучит шикарно, — сказала Брайти Марии.

— Да ну! — сказал Боб.

— Это он скромничает. Шикарно, я знаю. Жена, небось, очень довольна, что ей так повезло.

— У меня нет жены, — сказал Боб.

Теперь уж Брайти поглядела на Боба.

— Почему?

— Не знаю. Нет, и все. Но когда-то была.

— И что, одной хватило?

— Похоже, да.

— Так вы что, вдовец?

— Нет, разведен, — сказал Боб.

— И когда ж вам дарована была ваша свобода?

Боб посчитал в уме.

— Сорок пять лет назад.

Брайти присвистнула, но свист у нее не вышел, скорей пыхтенье.

— Брайти пять раз была замужем, — сообщила Мария.

— Что вы на это скажете? — поинтересовалась Брайти у Боба.

— Скажу, что для замужеств это немало, — ответил Боб.

— Мне по сердцу людные вечеринки, вот в чем финт, — сказала Брайти. — И потом, что ни говори, а свадьба все лучше, чем похороны. — Она отошла к разномастным банкеткам, стоявшим в ряд вдоль стены, села, откинув голову до упора, и закрыла глаза.

— Брайти! — сказала Мария Бобу.

Боб заметил, что Чирп не сидит больше за столом, а стоит, заняла пост рядом с входной дверью, глядя на нее так, будто и не глядит вовсе. Боб известил Марию об этой диспозиции Чирп, та вздохнула и повела его в дальний угол Большой комнаты, где женщина с хмурым лицом, сидевшая за раскладным карточным столиком, трудилась над пазлом в тысячу кусочков. На голове у нее была жесткая, грязноватая поросль с сединой, а на носу — очки для чтения поверх обычных очков.

— Это Джилл, — сказала Мария. — Джилл приходит к нам на день. Джилл, познакомьтесь с Бобом, он наш новый друг, а я через минутку вернусь.

Она пошла забрать Чирп от входной двери, а Джилл в упор посмотрела на Боба, который сказал:

— Привет.

Она не ответила. Тогда Боб поинтересовался, как у нее дела, и она подняла руки тем жестом, каким хирурги держат их после того, как отскребли перед операцией, каждый палец отдельно и друг от дружки на расстоянии.

— Я не чувствую больших пальцев, — сказала она.

— Как это? — спросил Боб.

Она потрясла головой.

— Проснулась посреди ночи с ощущением, что в комнате кто-то есть. “Эй! — сказала я, — эй!” А потом поняла про пальцы.

— Что вы перестали их чувствовать.

— Да, и тогда, и сейчас. — Она опустила руки на колени. — Как вы думаете, что это значит?

— Не знаю, — сказал Боб. — А кто был тот, в комнате?

— Да никто. Может, тот, кто был, это было присутствие того нового, что неладно со мной? — Она склонила голову набок, обдумывая свою странную фразу. —

Не подумайте, что хочу вас обидеть, но что-то вы не похожи на доктора.

— А я и не доктор.

Джилл отпрянула.

— А зачем же тогда выпрашиваете меня про здоровье?

Боб, не зная, что на это ответить, решил перевести разговор на головоломку:

— Что это будет, когда вы закончите?

Джилл взяла крышку от коробки и выставила ее напоказ рядом со своим мрачным лицом.

— Узнаете, что это?

— Сбор урожая, похоже.

Она кивнула, как бы признавая, что отчасти он прав, и поучительным тоном сказала:

— Это про осеннее чувство.

— Как это?

— Разве вы не знаете?

— Не уверен, что знаю.

— Осеннее чувство, — сказала Джилл, — это осознание того, что предстоят долгие сумерки. — И посмотрела многозначительно. На левой линзе ее очков для чтения еще держалась наклейка с надписью: “\$3.99”.

Она снова взялась за пазл, выкапывая подходящие детали, онемелые большие пальцы оттопырены под странным углом, средний и указательный пожелтели от табака.

Боб попрощался и, отправившись на поиски Марии, помедлил перед доской объявлений, увешанной извещениями, картинками и информационными материалами. Одна листовка из многих приковала его внимание: призыв помочь Центру. Мария, подойдя, обнаружила, что Боб записывает в свой блокнотик

на спирали телефон Американской ассоциации волонтеров.

— Зачем это вам? — спросила она.

— Не знаю. Наверное, меня зацепило.

— Вы уже волонтерствовали когда-нибудь?

— Нет.

Она жестом попросила Боба выйти с ней на крыльцо. Как только входная дверь с лязгом за ними захлопнулась, она сказала:

— Если я могу говорить с вами откровенно, то посоветую дважды подумать, прежде чем идти в волонтеры. Я говорю это и ради вас, и ради себя. Потому что волонтерская программа — не что иное как обуза для Центра. Я даже попросила Ассоциацию убрать нас из списка, потому что от каждого, кого нам присылали, было больше проблем, чем пользы. Каждый являлся, прямо-таки лучась сознанием своей доброты, но ни один не продержался и месяца, потому что изнанка здешней ситуации жестче, чем со стороны можно себе это представить. Например, вас никогда не поблагодарят, но будут критиковать, приглядываться с пристрастием и оскорблять словесно. Мужчины и женщины здесь крайне чувствительны к своему статусу; один намек на благотворительность — и они вспыхнут, как порох, и, по чести, я не скажу, что ставлю им это в вину.

— Ну и ладно, — сказал Боб.

— Я ни в коей мере в вас лично не сомневаюсь, — продолжала Мария, — вы, похоже, человек очень хороший. — Она помолчала, и на лице ее отразилось решение подобраться к теме с другой стороны. — Вы ведь пенсионер, не так ли?

— Да.

— Какую должность вы занимали?

— Я работал библиотекарем.

— Долго?

— С двадцати двух до шестидесяти семи лет.

— Иногда, — сказала Мария, — пенсионеры приходят помочь нам в надежде, что мы заполним пустоту, образовавшуюся в их жизни, развеим хандру.

— Нет у меня хандры, — сказал Боб. — И не думаю, что обижусь, если меня не поблагодарят. — Облачный покров поредел, и небо окрасилось в легкие розовые, пурпурные и оранжевые тона. Боб отмечал про себя эти цвета, когда у него возникла идея. — Я мог бы читать им.

— Читать кому?

Он указал на Центр.

— Читать им что?

— Рассказы.

— Какие рассказы?

— Увлекательные.

Мария покивала сначала, а потом затрясла головой.

— Да, но нет, — сказала она. — Ну какие из них читатели, Боб!

— Но когда читаешь не ты сам, а тебе кто-то, это ведь совсем другое дело, — возразил он. — Послушать историю всякий любит.

— Да, но наши? — спросила она.

Они спускались по высокой бетонной лестнице, расположенной сбоку от зигзагообразной дорожки. Мария еще раз усомнилась в том, что идея с чтением хороша; Боб отважно настаивал на своем, и она сдавалась, сказала, что ж, ладно, давайте попробуем. Когда добрались до тротуара, она протянула ему свою визитную карточку и сказала:

— Просто сообщите в Ассоциацию волонтеров телефон моего офиса, и мы вас зачислим.

Боб поблагодарил ее, пожал ей руку и ушел.

Пройдя с полквартила, он обернулся и увидел, что Мария наблюдает за ним. “Как вам Джилл?” — спросила она, и Боб сделал этакий половинчатый жест. Тут Мария улыбнулась, развернулась и поскакала вверх по ступенькам, чем весьма удивила Боба; до того он как-то не видел в ней скакунью вверх по ступенькам.